

© М.А. Щекин

Модернизация или «доместикация»? Опыт эвенков в глобальном контексте

Ключевые слова: модернизация, экономическая антропология, эвенки, мир-системный анализ, история России/СССР

В статье предпринимается попытка исследовать контакт между Россией и коренными народами Сибири, в частности эвенками, через призму мир-системного анализа. Рассматривается история эвенков в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. Автором прослеживается взаимосвязь между глобальными экономическими процессами, целями государства и других экономических акторов и ходом модернизации среди эвенков и других коренных малочисленных народов Сибири. Вписывание их истории в более глобальный контекст позволяет сделать определенные выводы о природе модернизации. Автор видит основные причины ее негативных последствий в неравенстве сторон и одностороннем характере модернизации.

Введение

Модернизация — это один из терминов, которые мы часто употребляем, но значение которых никто точно не знает. Нередко под ним подразумевается процесс заимствования и внедрения в «отсталое» общество технологий и институтов общества «развитого» или «цивилизованного», конечным итогом которого должен быть «прогресс», поднятие первого «на уровень» последнего. К такой трактовке, безусловно, есть вопросы. Если о материально-техническом прогрессе еще можно говорить с какой-то степенью объективности, то не совсем ясно, что является мерилем «прогрессивности» социальных и экономических институтов. К тому же, несмотря на дрящущую уже несколько веков модернизацию, разрыв между «развитыми» и «отсталыми» обществами остается во многом не преодоленным. Если же понимать модернизацию исклю-

Щекин Михаил Алексеевич – студент 2 курса магистратуры Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: smofficial@mail.ru <https://orcid.org/0009-0005-9083-7625>

Для цитирования: Щекин М.А. Модернизация или доместикация? Опыт эвенков в глобальном контексте // Антропологии/Anthropologies. 2023. № 2. С. 158-189. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-2/190-205>

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект 21-18-00495 «На фронтире культур: от индивидуальных биографий к историческим судьбам этнических сообществ (эвенки Сибири и коренные австралийцы в условиях модернизации)». Осуществляется в Российском государственном гуманитарном университете.

чительно как контакт неравных в материально-техническом плане культур и заимствование технологий, то остаются необъясненными другие преобразования, которые часто происходят в результате таких контактов.

Хороший выход из ситуации предоставляет такое направление в социальных науках как мир-системный подход, к числу видных последователей которого относятся, например, упоминаемые в этой статье И. Валлерстайн (2004, 2011), А.Г. Франк (1966), Э. Вульф (1983) и Б.Ю. Кагарлицкий* (2009). Валлерстайн (*Валлерстайн* 2004) выделяет три основных типа мир-систем: мини-системы, мир-империи и мир-экономики. Мини-системы — термин, применяемый им для описания простых и небольших обществ, живущих преимущественно натуральных хозяйством. Мир-империи — это централизованные системы, в которых разделение труда и распределение ресурсов происходит в рамках государственных границ и подчинено политическим процессам. Наконец, мир-экономика — это система, в которой экономические процессы выходят за пределы отдельных политий и являются первостепенными двигателями развития системы. Современная мир-экономика зародилась в XV в. в Европе и постепенно охватила весь мир.

Схожим образом Э. Вульф (*Вульф* 1983) в своем анализе выделяет три способа производства: родственный, в котором контроль над трудом реализуется через систему родственных отношений; трибутарный — в котором труд и его плоды извлекаются политическими методами, например, взиманием дани; и капиталистический.

Хотя эти категории довольно абстрактны и не всегда описывают все тонкости функционирования различных экономических систем, в большинстве случаев я нахожу терминологию мир-системного подхода достаточно полезной.

Преимущество этого подхода в том, что он позволяет говорить не об эфемерных «развитых» и «неразвитых» обществах, а о конкретных системах с конкретными свойствами. Так, говоря о распространении европейской «цивилизации», колониализме и происходившей в их рамках «модернизации» традиционных обществ, мы на самом деле говорим о распространении европейской мир-экономики и интеграции в нее других систем с их людскими и материальными ресурсами. В рамках распространения мир-экономики происходит глобальное разделение труда и обмен (как правило, неравный) между ее центром и периферией, выходящий за пределы границ конкретных политий и обществ.

Предлагаемая статья является попыткой осмыслить в русле этого подхода исторические судьбы традиционных обществ в ходе их контактов с европейскими культурами, рассматривая этнографические и исторические данные, относящиеся к коренным малочисленным народам Сибири (далее КМНС), в частности — к эвенкам. Помимо опубликованных источников, я использую собственные полевые материалы, собранные в двух экспедициях (2021 и 2022 г.), которые были предприняты в рамках научно-исследовательского проекта «На фронтире культур: от индивидуальных биографий к историческим судьбам этнических сообществ (эвенки Сибири и коренные австралийцы

* Физическое лицо, признанное СМИ — «иностранным агентом». — Ред.

в условиях модернизации)», имеющего задачу изучить, как судьбы двух народов — эвенков и австралийских аборигенов — преломляются в биографиях конкретных людей.

Дореволюционный период

Как известно, колонизация Россией Сибири имела своей целью в первую очередь добычу пушнины для продажи на европейских рынках. Таким образом, продвижение на восток было обусловлено экономическими процессами в центре европейской мир-экономики. Основным методом добычи пушнины было обложение коренного населения Сибири натуральным налогом — ясаком. Ясак взимался определенными видами пушнины, имевшими наибольшую товарную ценность, в основном соболями. Со временем ясак было разрешено выплачивать — частично или полностью — деньгами (в зависимости от актуальных хозяйственных условий).

Эвенки жили в основном охотой. Оленеводство у них носило вспомогательный характер, обеспечивая транспортировку в ходе сезонных перекочевок и дополнительный источник мяса, молока и шкур. Охотились эвенки в первую очередь для обеспечения своих жизненных потребностей в мясе и шкурах. Эвенки, как правило, кочевали группами родственных семей, которые вели совместное хозяйство. В терминологии Э. Вульфа (*Вульф* 1983) хозяйство эвенков можно охарактеризовать как родственный способ производства.

Взимание ясака привело к изменениям в традиционном хозяйстве. Годовой цикл стал подчиняться нуждам именно пушной охоты, а сам характер промысла начал носить более индивидуальный характер (*Тураев* 2009: 97). Из-за перепромысла уже в 1640-е годы численность соболей и других товарных зверей начала резко сокращаться (*Акимов* 2010: 248). Это делало каждые последующие выплаты все более сложными и заставляло охотников совершать все более долгие перекочевки. Чем больше эвенкам приходилось охотиться на «товарных» зверей или как-то иначе добывать деньги, тем меньше времени они могли уделять обслуживанию своих нужд, что подрывало их продовольственную безопасность.

Чтобы поддерживать свое жизнеобеспечение, эвенки могли прибегать к нескольким стратегиям. Во-первых, в обществе эвенков существовал институт перераспределения жизненно необходимых мяса и шкур — нимат. Нимат работал по принципу экономики дара и обеспечивал постоянную взаимопомощь членов кочевой группы. Также ниматом называлась доля добычи, которая на безвозмездной основе отдавалась неимущим семьям (без кормильца). Практиковалось и одаривание оленями бедных членов группы, и раздаривание оленей по обету или после удачной охоты. Нимат, однако, закономерно приходил в упадок со все большим включением эвенков в товарно-денежные отношения и разложением натурального хозяйства (*Шубин* 2007: 21–26).

Во-вторых, эвенки могли компенсировать недостаток еды и шкур, забывая часть своих оленей. В долгосрочной перспективе, однако, это еще больше ухудшало их положение.

В-третьих, эвенки могли обменивать на охотничью добычу или покупать у русских поселенцев и купцов продовольствие и предметы обихода. Это,

по сути, лишь закрепляло необходимость добывать больше товарной пушнины. Торговля эвенков с внешними экономическими акторами зачастую проходила на невыгодных для первых условиях. Русские, даурские и китайские купцы часто скупали пушнину и другие продукты за бесценок и при этом продавали необходимые товары по завышенным ценам, ввергая эвенков в долговую кабалу (Шубин 2007, 272–273; Забияко и др. 2012: 18). Нередко переселенцы насильно заставляли эвенков обменивать пушнину на привозные товары и даже спаивали их перед сделками (Акимов 2010: 238–239; Забияко и др. 2012: 18). Эвенки прекрасно понимали пагубное влияние хищнического купечества на их жизнь, в истории известны даже случаи их сопротивления. Так, в 1895 г. по просьбе подлеморских эвенков Баргузинская полиция распорядилась «не допускать купцам заезда в их урочища ни под каким предлогом» (Шубин 2007: 272).

Еще одним способом получения денег или необходимых товаров была работа по найму у русских поселенцев (в качестве проводников, на лесозаготовках, приисках, в шахтах и т.д.).

Постепенно пушнину как основную статью дохода, получаемую Россией со своих сибирских территорий, потеснили зерно, масло, а также золото и другие природные ресурсы (Mote 1998: 58–61). Захват земель под земледелие и скотоводство, вырубка лесов, участие пришлого населения в охоте и рыбалке, поиск и разработка месторождений увеличивали давление на местные экосистемы, снижая эффективность как товарного, так и продовольственного промысла.

Таким образом, эвенки оказывались все более экономически уязвимыми и зависимыми от мир-экономики, трибутарным «тараном» которой выступала в Сибири российская колонизация.

Интересно, что этот процесс обнаруживает известные параллели с тем, о чем пишет Дж. Скотт в своей книге «Моральная экономика крестьянства» (Scott 1976). В ней, рассматривая взаимодействие крестьян Юго-Восточной Азии с колониальными государствами, в частности во французском Индокитае и британской Бирме, Скотт прослеживает разложение традиционных крестьянских хозяйств и потерю ими экономической самостоятельности. Под патронажем государства происходило отчуждение общинных земель и природных ресурсов и все сильнее закреплялись права собственности и влияние землевладельцев. Государство вводило новые налоги, служило гарантом сбора ренты для землевладельцев и взыскания долгов с крестьян. Все эти факторы ставили крестьян в уязвимое положение: требовали их участия в товарно-денежных отношениях в ущерб продовольственной безопасности, провоцировали их обезземеливание, влезание в долги и превращали их в наемных батраков.

Важным общим фактором здесь является роль государства: именно оно взиманием налогов дает первоначальный импульс, нарушающий прежнюю экономическую автономию и запускающий порочный круг все большей уязвимости и зависимости. Хищническая торговля и долговая кабала, флуктуации рынка, ухудшение промысловых или сельскохозяйственных условий только поддерживают этот процесс.

Другим аспектом интеграции эвенков в трибутарные и капиталистические отношения был рост социального неравенства. Важную роль в осуществлении сбора дани играли представители эвенкийской родовой верхушки, которые становились посредниками между государством и членами своего рода. Так называемые «князцы» или «шуленги» были ответственными за сбор ясака со своего рода и наделялись судебными полномочиями. Князцы избирались родовым собранием — сугланом — и не обладали абсолютной властью, во многом завися от воли своих сородичей (Тураев 2009: 97–98). Тем не менее преемник родового главы часто был членом его семьи. Положение этих лидеров все же позволяло им иногда злоупотреблять властью и присваивать себе, например, выручку от сдачи в аренду родовых угодий. Родовая знать и зажиточные обладатели больших оленьих стад часто выступали и посредниками в торговле с пришлыми купцами. Опираясь на авторитет и родственные связи, они пользовались доверием сородичей и скупали за бесценок их пушнину, чтобы выгодно ее продать. Также они могли сдавать своих оленей в аренду бедным сородичам (Шубин 2007: 274).

Некоторые группы эвенков выгодно сдавали в аренду пришлому населению свои родовые угодья. Так, в Северо-Восточном Прибайкалье эвенки Шемагирского родового управления сдавали свои родовые угодья, как правило, реки, в аренду пришлым охотникам, рыболовам и золотодобытчикам. Часть доходов перечислялась на специальный счет в Госбанке, а часть шла на нужды местной власти и рода в целом. Решения о распоряжении этими угодьями принимались коллективно на родовом суглане. Однако эксплуатация угодий арендаторами привела в итоге к сильному сокращению популяции местного соболя, из-за чего правительством было принято в 1916 г. решение о создании на этой территории Баргузинского заповедника. В результате шемагирские эвенки потеряли свой источник дохода и были выселены в поселок Томпа, где жили уже гораздо беднее. Территория заповедника строго охранялась, но от нужды многие продолжали нелегально охотиться на его территории (Сирина 2021: 80–83). Таким образом, даже получив временные выгоды от эксплуатации собственных земель, эвенки оказались в итоге в проигрыше.

В описываемых выше примерах все три способа производства сосуществуют, полагаясь друг на друга в своей реализации, но оставаясь при этом разными по своей сути. Иными словами, мы можем наблюдать их артикуляцию, если использовать термин Л. Альтюссера (*Althusser; Balibar* 2015).

Советский период

В советский период происходит дальнейшая интеграция эвенков во внешнюю экономику посредством все большего вмешательства государства. В нем можно выделить два основных этапа.

Первый — это 1920-е и 1930-е годы, когда, несмотря на сильно изменившийся характер власти и экономики, торговля пушниной продолжала определять политику советского руководства по отношению к КМНС. В 1920-е годы государство стремилось прежде всего контролировать сбыт продуктов промысла и снабжение КМНС необходимыми товарами и льготными кредитами. Для этого были созданы государственные торговые организации и кооперативы, которые, что закономерно, во многом продолжали вести торговлю «ста-

рыми» методами, преследуя свои корыстные интересы. Сохраняется и упор на добычу пушнины в ущерб остальным отраслям хозяйства (Гореликов 2008: 193; Асеев 2007: 84).

В 1930-е годы происходит форсированная коллективизация, которая затрагивает и КМНС. Целью коллективизации было установление полного контроля государства над производством и сбытом основных статей экспорта, в первую очередь зерна, для осуществления закупок машин и оборудования за рубежом и развития промышленности. Однако важную роль во внешней торговле продолжала играть пушнина, и она считалась одним из резервов индустриализации (Кириллов, Старцев 2009: 728). После победы во внутрипартийной борьбе Сталин взял курс на стремительную индустриализацию, для чего необходимо было выжать из деревни максимум ресурсов в сжатые сроки. Ситуацию осложняло как сопротивление крестьян и провалы этой политики, так и дешеветший на фоне Великой депрессии экспорт (Кагарлицкий 2009: 468). Государству требовалось все больше зерна и пушнины, и в такой обстановке коллективизация не могла обойти хозяйство коренных народов. Эти предпосылки во многом обусловили ее бескомпромиссный характер и ее катастрофические последствия для народов Сибири.

Второй этап — хрущевские 1950-е–1960-е годы и «развитой социализм» 1970-х–1980-х годов. На этом этапе происходит усиленная трансформация традиционного уклада из-за все большего его подчинения государству, внедрения новых технологий и принуждения коренного населения к оседлости. Увеличивается роль в хозяйстве коренного населения земледелия и животноводства, а оленеводство принимает крупно-табунную мясомолочную форму. Все эти типы хозяйства были нехарактерны для эвенков и часто не подходили местным экосистемам (Виноградова 2010: 134). Под эгидой государства происходило и улучшение технического оснащения хозяйств КМНС. Осуществлялось снабжение при помощи гражданской авиации, налаживалась радиосвязь, строились бараки для бригад оленеводов, проводилась вакцинация оленей и работы по племенной вязке (Забияко и др. 2012: 37). Такое вмешательство государства приводило к непредсказуемым изменениям. Так, чтобы выполнять план по надоям оленьего молока, маленьких оленей приходилось раньше отделять от важенок, что плохо сказывалось на их здоровье и дальнейшем общем качестве стад (Шубин 2007: 118). Начало крупно-табунного разведения оленей и вышеупомянутые вакцинации и вязки привели к сильному росту поголовья оленей, которое не было экологически целесообразным и в итоге привело к существенному сокращению ягельников (Забияко и др. 2012: 38–39). Насаждаемые сверху методы, таким образом, конфликтовали с изначальной логикой ведения традиционного хозяйства и приводили к его неустойчивости.

В 1970-е–1980-е годы экономика СССР усиленно переориентируется на экспорт природных ресурсов. СССР в то время все больше нуждался в импорте зарубежных товаров массового потребления, оборудования и технологий. При этом складывались выгодные условия для экспорта нефти из-за нефтяного эмбарго арабских стран и кризиса перенакопления в западной финансовой сфере. Налаживается схема обмена газа, нефти и других ресурсов на необходимые СССР товары и технологии под дешевые кредиты. Иностранные компании вкладываются в разработку новых месторождений

и в создание инфраструктуры для поставки ресурсов за рубеж. Основными регионами-поставщиками ресурсов становятся именно Восточная Сибирь и Дальний Восток (*Кагарлицкий* 2009: 499–500). Неудивительно, что именно на этот период приходится финальная и самая активная фаза строительства Байкало-Амурской магистрали.

С БАМом связан активный приток в регионы проживания эвенков пришлого населения. Строительство магистрали, открытие новых добывающих предприятий, основание новых поселений строителей и работников добывающей промышленности, съезжающихся со всего СССР, оказывали крайне сильное влияние на быт и хозяйство эвенков. Хотя эвенки безусловно выиграли от улучшения сообщения в регионе и большей доступности товаров и других благ «цивилизации», отчуждение земель для нужд промышленности, вред местной экологии и конкуренция с пришлым населением в охоте и рыбалке крайне негативно сказывались на традиционном хозяйстве.

О вреде, нанесенном местной экологии и рыболовству, вспоминает информантка из с. Холодное, занимающаяся рыбной ловлей. По ее сведениям, качество воды и рыбы начало с этого момента постепенно становиться все хуже: на поверхности воды начала появляться слизь, контакт с ней стал вызывать кожные заболевания, а рыба стала попадаться с язвами. Другой информант из с. Байкальское, работавший в этот период охотником, утверждает, что шумы от строительных работ и железной дороги, а также охота и рыбалка пришлого населения серьезно сокращали численность дичи и рыбы в окрестностях (ПМА 2022). Автору неоднократно приходилось слышать от информантов-эвенков в Хабаровском крае и Республике Бурятия, что БАМ окончательно уничтожил традиционный образ жизни, хотя они в целом довольны вышеописанными плюсами строительства магистрали (ПМА 2021, 2022).

В этот же период условия оленеводства заметно улучшаются за счет закупки государством мяса и других продуктов по искусственно завышенным ценам. В начале 1970-х годов поголовье оленей достигает наиболее высоких значений — 2,4 млн. Оленеводы получали также высокие зарплаты и пользовались рядом льгот (*Виноградова* 2010: 135–136). Приоритизация государством оленеводства была связана, в известной мере, с постепенным спадом цен на пушнину в послевоенные годы. Это было обусловлено повышенным предложением от развития клеточного звероводства не только в СССР, но и в других странах (*Кириллов, Старцев* 2009: 728). В то же время оленеводство помогало осуществлять снабжение удаленных районов Сибири и Дальнего Востока продовольствием, что стало особенно актуально со строительством БАМа и усиленным освоением местных природных ресурсов. В эвенкийских поселениях Холодное и Байкальское в Республике Бурятия информанты помнят, как в эти годы оленей массово забивали — расстреливали прямо на пастбищах, из-за чего многие другие олени убегали в лес и дичали. Делалось это именно для нужд строителей магистрали и привело в итоге к ликвидации местных колхозов (ПМА 2022).

Как можно заметить, советская командная экономика (под определенным углом похожая на трибутарный способ производства) не могла разорвать своих связей с капиталистической мир-экономикой даже во время коллективизации. Более того, коллективизация была во многом следствием их артикуляции.

Современная ситуация

Крах советской системы оказал крайне негативное влияние на состояние традиционного хозяйства эвенков и их уровень жизни. При всех отрицательных аспектах интеграции традиционного хозяйства в советскую экономику, советское государство все же обеспечивало его существование хоть в какой-то форме. Однако благополучие эвенков стало в ходе описанных процессов полностью зависимо от него. Государство было как основным поставщиком необходимых товаров и услуг, так и основным потребителем продуктов их хозяйства. Годы разрушительных преобразований прошли, и теперь государство обеспечивало высокие закупочные цены и зарплаты, а также гарантировало доступные медицину, образование и жилье. Информанты из Верхнебурейнского района Хабаровского края и республики Бурятия вспоминают, что цены на пушнину и ягоды в советский период были существенно выше, чем после распада СССР (ПМА 2021, 2022).

Резкий слом системы и ликвидация государственных предприятий оставили эвенков без какой-либо опоры и обусловили их вступление в капиталистическую рыночную экономику на максимально невыгодных условиях. В 1990-е годы номинальные доходы КМНС были ниже среднероссийских в 2–3 раза, при этом уровень цен в регионах Севера был существенно выше, чем в других регионах России. Половина трудоспособного коренного населения не имела постоянной работы (Виноградова 2010: 137).

В ходе приватизации многие территории традиционного природопользования эвенков попали в частные руки. На фоне общего хаоса происходила бесконтрольная и хищническая эксплуатация природных ресурсов, сильно ухудшая экологическую ситуацию. В то же время создавались новые формы предприятий традиционного хозяйства — родовые общины, за которыми бессрочно закреплялись родовые угодья. В 1995 г. начинают создаваться специальные охраняемые территории традиционного природопользования. Общинам предоставлялись безвозмездные ссуды, беспроцентные кредиты и оборудование. Все это вызвало «бум» создания родовых общин среди коренного населения, но многие из них в итоге распались. На 2014 г. общины охватывали только 6% трудоспособного населения из числа КМНС (Гаер и др. 2014: 17).

Современное состояние традиционного хозяйства сильно зависит от конкретного региона, численности и активности представителей КМНС, разработанности местного регионального законодательства в этой сфере и влияния владельцев промышленных предприятий. В районах проживания эвенков ситуация зачастую неблагоприятная. Например, в Забайкальском крае при возникновении земельных споров местные власти явно отдают предпочтение добывающим компаниям. Границы многих родовых угодий до сих пор юридически не закреплены. По этой же причине эвенкам крайне трудно бывает добиться от компаний какой-либо компенсации за отчуждение их земель (Поворознюк 2016: 32–34).

Из-за отсутствия своих земель эвенкам зачастую приходится арендовать угодья у частных владельцев или работать на них по договору. При этом владельцы угодий не всегда добросовестно выполняют свои обязательства:

например, по словам одного из информантов в Бурятии, они не получают необходимых лицензий на охоту для своих подчиненных, хотя обязаны это делать. При этом ответственность в случае выявления промысла без лицензии лежит именно на охотниках. Этот же информант был вынужден распустить свою общину, так как «Бурприроднадзор», по его словам, не дал ему и другим членам общины разрешение вести отстрел хищников, хотя община до этого функционировала уже 25 лет. Содержание оленей в таких условиях не представлялось возможным, и стадо пришлось отпустить. Земли, которыми пользовалась община, передали владельцу, который живет в Улан-Удэ и имеет связи в правительстве республики. Олени, которых он отпустил, до сих пор числятся в официальных данных для получения местными властями дотаций. Для этих же целей, по его словам, оленеводов Бурятии заставляют завышать данные о поголовье оленей. При этом дотации, полученные таким образом, перераспределяют в пользу бурятских коневодов (ПМА 2022).

В 2009 г. правительство отменило преференции заявок КМНС на получение права пользования охотничьими угодьями. Теперь земли предоставляются на аукционах, где КМНС должны конкурировать с участниками, обладающими существенно большими капиталами. Более того, после победы в аукционе нужно внести взнос от 1 до 5 рублей за гектар, что является неподъемной ценой для большинства национальных предприятий (Тураев 2021: 20–21).

Теперь эвенкам приходится конкурировать на рынке с пришлыми промышленниками и иностранными производителями. В современной экономике они как никогда зависят от спроса на продукты промысла в регионе, стране и мире. Затраты на промысел, конкурсное распределение, аренда и налоги, во-первых, задают высокий порог для входа на рынок, во-вторых, затрудняют выживаемость традиционных предприятий.

В Хабаровском крае массовая заготовка и реализация мяса дичи практически не производится из-за убыточности. Пушной промысел нерентабелен сам по себе, и промышленники часто вынуждены зарабатывать также другими видами деятельности: оленеводством, заготовкой дров, строительством и торговлей. Вести такое комплексное хозяйство большинство национальных хозяйств не в состоянии (Там же: 23–24). Наиболее жизнеспособными оказались общины, которые занимались рыболовством и лесозаготовками. По сути, чтобы их предприятия оставались рентабельными, КМНС вынуждены рубить леса, в которых они должны, по идее, вести традиционное хозяйство (Гаер и др. 2014: 17). В очередной раз мы видим, как, будучи вовлеченным во внешнюю экономическую систему, традиционное хозяйство подчиняется чуждой ему логике. Национальные предприятия — это именно предприятия, которые должны окупаться, и фундаментально отличаются этим от натуральных хозяйств. Если рынок поощряет неустойчивые и нетрадиционные формы хозяйства, то и деятельность общин неизбежно тяготеет именно к ним.

В то же время, внешние условия могут быть и благоприятны для некоторых видов традиционного хозяйства. Рыболовство традиционно считалось среди эвенков вторичным видом деятельности, к которому прибегали в основном мало- или безоленные бедняки, потерявшие возможность охотиться. Рыночный же спрос на рыбу дает рыболовам возможность получать прибыли, немислимые в условиях натурального рыболовецкого хозяйства. По данным

информантов из с. Холодное и Байкальское, в районе о. Байкал существует множество эвенкийских рыболовных общин. Коммерческое рыболовство настолько прибыльно, что с целью доступа к рыболовным участкам, льготным условиям промысла и дотациям в деятельности «эвенкийских» общин участвуют далеко не только эвенки (ПМА 2022).

С рыболовством связан и наиболее актуальный конфликт интересов государства и эвенков Бурятии. Информанты из с. Байкальское — член местной рыболовной общины и вышеупомянутый охотовед — сообщили, что из-за работы Иркутской ГЭС уровень воды в Байкале поднимается. Это приводит к изменению температуры в местах кладки икры, из-за чего мальки не могут вылупиться, и численность местной рыбы сильно сокращается. Попытки местных жителей, как и ученых, занимающихся этим вопросом, донести эту проблему до местных властей пока не увенчались успехом (ПМА 2022).

Нетрудно заметить, что государство уже не так сильно интересуется традиционное хозяйство само по себе. Конфликт перешел из сферы контроля над традиционным хозяйством и его продукцией в сферу контроля над территориями. Пушная лихорадка и модернизационный угар ушли в прошлое, и эвенки теперь видятся скорее как помеха для государственного и частного предпринимательства.

Природа модернизации и судьбы народов

В рамках мир-системного подхода часто рассматривается, как под влиянием регионов центра регионы периферии специализируются на производстве определенных сельскохозяйственных культур или добыче определенных ресурсов в ущерб своим долгосрочным интересам. Они не развивают свою промышленность, а когда конъюнктура рынка меняется и экспорт становится невыгодным, они остаются без экономической опоры. В этом заключается концепция «развития неразвитости», описываемая А.Г. Франком (1966). В современных реалиях в интересах центра могут выступать международные организации. Например, Международный валютный фонд выдает нуждающимся странам кредиты в обмен на проведение ими неолиберальных реформ: урезания социального обеспечения, приватизации, отмены протекционистских мер и т.п. Это ослабляет местную промышленность и повышает экономическую уязвимость населения, но делает страны более привлекательными для иностранного капитала. Иными словами, экономика этих регионов под внешним влиянием специализируется на обслуживании нужд других.

Процессы изменений в обществе часто описывают при помощи метафоры эволюции. Если применить ее к описанию модернизации, то одни системы в ходе контакта подчиняют себе другие и перехватывают контроль над их эволюцией, чтобы изменить их в соответствии со своими нуждами. На самом деле что-то похожее произошло в истории задолго до XVI в.

Это был процесс доместикации. Современные домашние животные и сельскохозяйственные культуры — плод многих лет селекции, то есть сознательного контроля над эволюцией животных и растений человеком. При этом многие одомашненные виды фактически потеряли возможность существовать без человека, в дикой природе. Этот процесс, как мне кажется, хорошо описывает природу того, что часто происходит в ходе модернизации.

Трансформации хозяйства эвенков тоже, на мой взгляд, можно сравнить с такой «доместикацией». Модернизация, происходившая в ходе колонизации Сибири, тоже всегда заключалась в придании хозяйствам КМНС той формы, которая наиболее отвечала экономическим целям центра. Внедрение в их обществах технологий и «прогрессивных» институтов было сопряжено с необходимостью увеличить добычу определенных ресурсов и усилить контроль над ними.

Я вижу причину этого в крайнем неравенстве сторон этого процесса. В системе, где техническое, военное и экономическое превосходство центра достаточно велико, модернизация принимает именно форму «доместикации» одного общества другим. В этом разрыве заключается и причина столь деструктивных последствий для многих модернизируемых обществ. Когда экономика одного общества начинает служить потребностям другого, это может серьезно конфликтовать с его собственными потребностями и возможностями местной окружающей среды. Спрос европейских и китайских рынков, например, на пушнину превышал потенциально возможный спрос, который мог возникнуть в обществе эвенков, в тысячи раз. При этом последствия перепромысла соболя били в первую очередь именно по ним.

Схожим образом в Северной Америке спрос европейских купцов на пушнину привел к перепромыслу бобра. Конкуренция за охотничьи угодья и монополию в торговле с европейцами были одними из причин «Бобровых войн» ирокезов с их соседями. При этом войны между индейцами принимали все более разрушительную форму в результате распространения европейского оружия (*Wolf* 1983: 165–166). К слову, по оценкам наблюдателей XVIII в., индейцы настолько зависели к тому времени от европейского оружия и товаров, что уже буквально не могли бы без них жить (*Акимов* 2010: 248). Как примеры можно привести и колониальные Бразилию и Индонезию, где политика насаждения культивации экспортных культур (таких как сахар и кофе) в ущерб другим приводила к голоду (*Freyre* 1986: 45–48, *Бандиленко и др.* 1992: 251–255).

Таким образом, за счет географической или иных форм изоляции от периферии центр имеет возможность хищнически эксплуатировать местные природные и человеческие ресурсы без негативных последствий для себя. Более того, центр может даже использовать периферию для экспорта негативных последствий своей экономической и политической деятельности. По мере того, как улучшение условий труда и рост уровня жизни и зарплат в странах центра делает местные производства менее выгодными, на периферию экспортируется даже эксплуатация. Перенос промышленности в некоторые развивающиеся страны тоже в конечном счете служит обеспечению уже постиндустриального центра за счет дешевой и бесправной рабочей силы этих стран. Например, на заводе Foxconn (субподрядчика Apple) в г. Шеньчжень (КНР) рабочие живут в бараках, работают по 12 часов день, шесть дней в неделю. Сами менеджеры Apple называют его не иначе как «Мордор» (*Lauesen* 2021: 135). Таким образом, и здесь модернизация сохраняет свою «доместицирующую» сущность: эта промышленность полностью зависит от иностранного капитала и технологий центра, и потому остается подчиненной его интересам.

История, конечно, знает и примеры относительно успешной модернизации и интеграции в мир-экономику, например, Японии и Южной Кореи. Но большую роль в успехе этих стран сыграли их правительства, под чьим покровительством создавались крупные финансово-промышленные конгломераты (дзайбацу и чеболи), обеспечившие этим странам более сильные позиции. Далеко не у всех стран и народов были возможности схожим образом контролировать процесс своего включения в мир-экономику или другие системы.

И капитализм, и авторитарная командная экономика СССР в конечном итоге создавали экономическое неравенство разными способами. В случае СССР оно достигалось за счет подчинения экономики государству, что позволяло его функционерам диктовать условия труда, производства и распределения. Выше уже был показан дестабилизирующий эффект включения традиционного хозяйства в товарно-денежную экономику. Однако государственное вмешательство может быть не менее разрушительным. Истинный корень проблемы заключается в самой зависимости от структур, над которыми зависимые не имеют контроля. Будь то глобальный рынок, где участники крайне неравны в своих возможностях на нем конкурировать, или же авторитарное государство, мы в любом случае имеем дело с неравенством и отсутствием контроля со стороны более слабых участников экономических отношений.

Модернизация, таким образом, потенциально опасна для подвергающихся ей сообществ, и потому она никогда не должна восприниматься как самоцель. Но самое главное — модернизация должна проходить на их условиях и под их контролем. При всех проблемах, созданных модернизацией, я не думаю, что большинство пострадавших от нее народов готовы отказаться от ее плодов. Она уже произошла, она продолжается и скорее всего не остановится. Но можно попытаться сделать так, чтобы она приносила всем участникам процесса больше пользы, чем вреда.

Источники и материалы

ПМА 2021 — полевые материалы, собранные Долгих Д. А., Корытиным Г. С. и автором в ходе экспедиции в Верхнебурейнский р-н Хабаровского края и Северо-Байкальский р-н Республики Бурятия (поселки Чегдомын, Герби, Солони, Уоян). Август 2021 г.

ПМА 2022 — полевые материалы, собранные Долгих Д. А. и автором в ходе экспедиции в Северо-Байкальский р-н Республики Бурятия (села Холодное и Байкальское). Август 2022 г.

Литература

Асеев А. А. Место коренных малочисленных народов Дальнего Востока РСФСР в политике государства (1922–1941 гг.) // Власть и управление на Востоке России. № 1 (38). М., 2007. С. 80–86.

Акимов Ю. Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI — середине XVIII в. Очерк сравнительной истории колонизаций. СПб., 2010. 372 с.

Бандиленко Г. Г., Гневушева Е. И., Деопик Д. В., Цыганов В. А. История Индонезии. М., 1992. Ч. 1. 304 с.

Виноградова С. Н. Формирование государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: ретроспективный анализ // Труды Кольского научного центра РАН. Апатиты, 2010. № 2. С. 127–139.

Гаер Е. А., Батьянова Е. П., Шпинева В. Н. Коренные малочисленные народы Нижнего Амура в постсоветской действительности // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2014. Вып. 228. 67 с.

Гореликов А. И. Коренные малочисленные народы дальнего востока в условиях НЭПа: выход за рамки натурального хозяйства // Вестник Санкт-Петербургского университета. СПб., 2008. Сер. 2. Вып. 2. С. 188–194.

Забияко А. П., Аниховский С. Э., Воронкова Е. А., Забияко А. А., Кобызов Р. А. Эвенки Приамурья: оленная тропа истории и культуры. Благовещенск, 2012. 384 с.

Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя. М., 2009. 576 с.

Кириллов А. К., Старцев А. В. Пушная торговля // Историческая энциклопедия Сибири. Историческое наследие Сибири. Новосибирск: 2009. Т. 2. С. 726–728.

Поворознюк О. А. Городские аборигены БАМа: индустриальный бум, техносоциальные сети и борьба за ресурсы // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 23–41.

Сирин А. А. Эвенки и Баргузинский заповедник: история взаимодействия в контексте современных тенденций развития ООПТ // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 78–91.

Тураев В. А. Этническая история дальневосточных эвенков (XVII–XIX вв.) // Вестник ДВО РАН. 2009. № 5. С. 90–102.

- Тураев В. А. Охотничий промысел коренных малочисленных народов Дальнего Востока в условиях постсоветской трансформации (1990–2010) // Россия и АТР. № 4. Владивосток, 2021. С. 12–27.
- Шубин А. С. Эвенки. Улан-Удэ, 2007. 360 с.
- Althusser L., Balibar E. Reading Capital. L.: Verso, 2015. 439 p.
- Frank A. G. The Development of Underdevelopment // Monthly Review. N.Y., 1966. Vol. 18, No. 4. P. 17–31.
- Freyre G. The Masters and the Slaves. Berkeley; L.A., 1986. 537 p.
- Mote V. L. Siberia: Worlds Apart. Boulder, 1998. 239 p.
- Lauesen T. Riding the Wave: Sweden's Integration into the Imperialist World System. Montreal, 2021. 249 p.
- Scott J. C. The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven and London, 1976. 246 p.
- Wallerstein I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. L., 2011. 620 p.
- Wallerstein I. World-Systems Analysis: An Introduction. Durham, 2004. 90 p.
- Wolf E. R. Europe and the People Without History. L.A., 1983. 503 p.

Research Article

Shchekin M. A. **Modernization or Domestication? Experience of the Evenki in the Global Context [Modernizaciia ili «domestikaciia»? Opyt evenkov v globalnom kontekste]** *Anthropologies*, 2023, no 2, pp. 190-205. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-2/190-205>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Shchekin M. A. | smofficial@mail.ru | <https://orcid.org/0009-0005-9083-7625> | Russian State University for the Humanities, 2nd year MA student in the Center of Social Anthropology

Abstract

The article aims to study the encounter between Russia and the Siberian native peoples, notably the Evenki, through the lens of world-systems analysis. It covers the history of Evenki during the pre-revolution, Soviet and post-Soviet periods as well as the major changes in their traditional economy. The author traces the connection between the global economic processes, the goals of the state and other economic actors and the way modernization affected the Evenki and other Siberian natives. By putting their history in a more global

context certain conclusions are drawn on the nature of modernization. The author sees inequality of the parties involved and the one-sided nature of modernization as the main reasons for its failures.

Keywords: modernization, economic anthropology, world-systems analysis, Evenki, Russian/Soviet history.

References

- Akimov, Iu.G. 2010. *Severnaia Amerika i Sibir' v kontse XVI — seredine XVIII v. Ocherk sravnitel'noi istorii kolonizatsii* [North America and Siberia in the end of 16 — middle 18 centuries. An essay in comparative history of colonization]. SPb.: 372 p.
- Althusser, L., Balibar, E. 2015. *Reading Capital*. L., Verso: 439 p.
- Aseiev, A.A. 2007. Mesto korennykh malochislennykh narodov Dal'nego Vostoka RSFSR v politike gosudarstva (1922–1941 gg.) [The role of the indigenous small-numbered peoples of the RSFSR Far East in the state policy (1922–1941)]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, 1, 38. M.: 80–86.
- Bandilenko, G.G., Gnevusheva, E.I., Deopik, D.V., Tsyganov, V.A. 1992. *Istoriia Indonezii* [History of Indonesia], 1. M.: 304 p.
- Frank, A.G. 1966. The Development of Underdevelopment. *Monthly Review*, 18, 4. N.Y.: 17–31.
- Freyre, G. 1986. *The Masters and the Slaves*. Berkeley and L.A.: 537 p.
- Gaier, E.A., Bat'ianova, E.P., Shpinev, V.N. 2014. Korennye malochislennye narody Nizhnego Amura v postsovetskoi deistvitelnosti [Indigenous and small-numbered peoples of Lower Amur in the post-Soviet reality]. *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii*, 228. M.: 67 p.
- Gorelikov, A.I. 2008. *Korennye malochislennye narody Dalnego Vostoka v usloviakh NEPa: vykhod za ramki naturalnogo khoziaistva* [Indigenous small-numbered peoples of the Russian Far East during the NEP: transcending subsistence economy], 2, 2. SPb.: 188–194.
- Kagarlitskii, B. Iu. 2009. *Periferiinaia imperiia* [Empire of the periphery]. M.: 576 s.
- Kirillov, A.K., Startsev, A.V. 2009. Pushnaia trgovlia [Fur trade]. *Istoricheskaia entsiklopediia Sibiri. Istoricheskoye naslediye Sibiri*, 2. Novosibirsk: 726–728.
- Lauesen, T. 2021. *Riding the Wave: Sweden's Integration into the Imperialist World System*. Montreal: 249 p.
- Mote, V.L. 1998. *Siberia: Worlds Apart*. Boulder: 239 p.
- Povorozniuk, O.A. 2016. *Gorodskii aborigeny BAMA: industrialnyi bum, tekhnosotsialnye seti i bor'ba za resursy* [Urban aborigines of the BAM: industrial boom, technosocial networks and the fight for resources], 1. M.: 23–41.

- Scott, J.C. 1976. *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven and London: 246 p.
- Shubin, A.S. 2007. *Evenki*. Ulan-Ude: 360 p.
- Sirina, A.A. 2021. Evenki i Barguzinskii zapovednik: istoriia vzaimodeistviia v kontekste sovremennykh tendentsii razvitiia OOPT [Evenki and Barguzin natural reserve: history of relations in the context of modern trends in the development of Specially Protected Natural Areas]. *Izvestiia Laboratorii drevnih tekhnologii*, 17, 4: 78–91.
- Turaev, V.A. 2009. Etnicheskaia istoriia dalnevostochnykh evenkov (XVII–XIX vv.) [Ethnic history of the Far East Evenki (17–19)]. *Vestnik DVO RAN*, 5: 90–102.
- Turaev, V.A. 2021. Okhotnichii promysel korennykh malochislennykh narodov Dalnego Vostoka v usloviakh postsovetskoi transformatsii (1990–2010) [Hunting of the indigenous small-numbered peoples of the Far East and its post-Soviet transformation]. *Rossii i ATR*, 4. Vladivostok: 12–27.
- Vinogradova, S.N. 2010. Formirovanie gosudarstvennoi politiki v otnoshenii korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka: retrospektivnyi analiz [The formation of the state policy in regards to the indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East: a retrospective analysis]. *Trudy Kolskogo nauchnogo tsentra RAN*, 2. Apatity: 127–139.
- Wallerstein, I. 2004. *World-Systems Analysis: An Introduction*. Durham: 90 p.
- Wallerstein, I. 2011. *Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. L.: 620 p.
- Wolf, E.R. 1983. *Europe and the People Without History*. L.A.: 503 p.
- Zabiiako, A.P., Anikhovskii, S.E., Voronkova, E.A., Zabiiako, A.A., Kobyzov, R.A. *Evenki Priamuria: olennaya tropa istorii i kultury* [Evenki of the Priamurie: the deer trail of history and culture]. Blagoveshchensk, 2012. 384 p.

